

13 ПЕРВОРОДНЫХ МЕТОК

Метка	Металл	Благо
 Свет	Серебро	Порядок
 Тьма	Золото	Познание
 Пространство	Цинк	Справедливость
 Время	Ртуть	Решительность
 Разрушение	Свинец	Надежда
 Созидание	Олово	Храбрость
 Трансмутация	Бронза	Смирение
 Стазис	Платина	Преданность
 Жизнь	Медь	Стойкость
 Смерть	Железо	Искренность
 Добро	Некрон	Терпение
 Зло	Витам	Ясность
 Судьба	Деворар	Вера

...И тогда, в самом конце всего, когда не осталось ни Тьмы, ни Света, ни звезд, ни дэларов, даже пространства и времени, совершенно ничего кругом, Вселенная застыла в последнем миге.

Душа спросила у Бесконечности:

— И только так возможен мир? И спокойствие?

Бесконечность тихо ответила ей, заполнив все, что сохранилось:

— Так возможна надежда.

— Но все пропало! — испугалась Душа. — Что теперь будет?!

— Будет конец. Будет начало. Будет новый Принципиум.

А за ним вернусь и я...

История 21: «И вечна ходьба по кругу».

«Сказания о взрывах и пыли»

* Познай самого себя (*лат.*).

Ты все еще рядом, не так ли? Преданно падаешь за мной в глухую бездну. Хотя откуда здесь взяться иной душе? Это лишь моя тюрьма, мой дальнейший путь, тут никогда не было посторонних, иначе...

Но я чувствую тебя. Я верю, что ты есть, и хочу молиться всем подряд, только бы это оказалось правдой.

Пропадешь ли ты со мной? Мой конец близок, но что касается тебя... Ты часть моего мира? Своего? Или нашего общего?

Замрут ли звезды в небесах, когда меня не станет?..

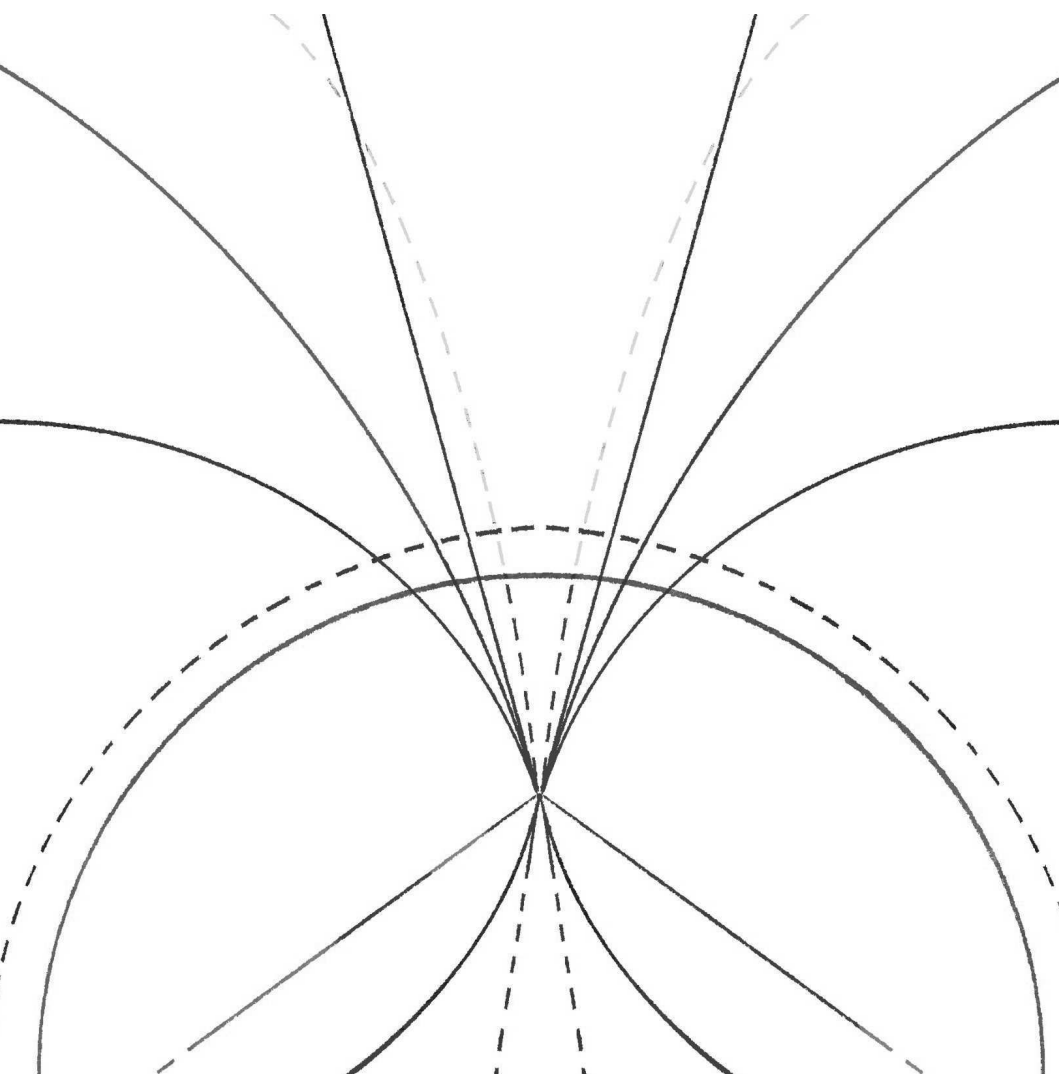
Мне бы хотелось поведать о героях, о подвигах, о смиренном альтруизме и дружбе. Обо всех идеалах, за которые мы так рьяно цеплялись. Но не в этот раз. Тебе уже известно обо мне больше, чем кому-либо в моей жизни, — не это ли истинное доверие? Я передам тебе всего себя, до последней секунды жизни. Создам свой образ и разрушу его до основания. Уничтожу на твоих глазах тех, в кого сам верил и на кого надеялся. Все мы пали, и каждый по-своему. Надеюсь, однажды ты сможешь простить хоть кого-то, ведь этого не вышло даже у меня.

Я расскажу, кто положил начало краху, выставлю напоказ грехи, которые любой хотел бы спрятать, и предам доверие, что ты возложил на нас.

Я расскажу тебе все.

ЧАСТЬ I

И МЫ РАСТВОРИМСЯ
В ЗАБВЕНИИ

ГЛАВА I

Я СЛЫШУ ЕЕ ГОЛОС

Небо сотряслось под вспышкой, тяжелым, будто бы утробным гудением, от которого задрожала земля. Я не в первый раз открывал глаза здесь, но никогда не помнил правильной дороги, хотя она оставалась неизменной.

Руки касались ржаных колосьев, запах гари не отступал ни на секунду, лишь усиливаясь и сдавливая грудь. Глаза устремились к небосводу. Он был полон сияния, совсем не похожего на угольную земную ночь, так привычную нам. Здесь же будто пролили ведра красок и звезд. Гигантские планеты белыми пятнами зависли на горизонте. Укутавшись в кольца, тела небесные в случайном горделивом порядке рассекали пространство, в котором паутиной вились тысячи и тысячи светящихся дорог. Столько возможностей и путей. Я мог бы уйти в бесконечность, навсегда раствориться в бессознательном. Обратиться в пыль. Но я упорно шел вперед сквозь ржаное поле, так идеально разместившееся в центре космической бездны.

Там высился маяк. Он казался намного больше и гротескнее, чем я помнил. Искривленный, как и все вокруг, затемненный на фоне ярчайшей Вселенной.

Я слышал всхлипы, хотя был еще недостаточно близко. Они дробили меня, отрывали от тела молекулы, будто ударной волной. Само мироздание резонировало с этими звуками, им вторили и небо, и моя душа.

Куски земли откалывались вместе с колосьями, падали в пустоту, истлевая за секунды. А я продолжал идти, ни капли

не боясь, словно от этого зависела жизнь. Сознание рвалось вперед, к маяку. Быстрее и быстрее.

— *Помоги мне...* — гудело вокруг.

Внутри маяка обитал сумрак, свет почти не проходил сквозь окна. Ступени скрипели под ногами, готовые рухнуть. Что-то цокало, стрекотало, взбиралось по лестнице вслед за мной. А там, на самом верху, — дверь и всхлипы за ней. Единственное место, где можно укрыться от неизвестных чудищ. И я врывался внутрь раз за разом и ощущал ледяной поток темноты. Она душила, поглощала. Затем дверь с грохотом закрывалась и стихали звуки. Я не мог сделать и вдоха, но отчаянно пытался. В этом холодном непроглядном мраке эхом разносился голос:

— *Помоги мне! Пожалуйста, поторопись!*

И так все время. Голос Сары. Надрывный, отчаянный. За последние полгода я видел этот сон не меньше десятка раз и никогда не мог отделаться от ощущения, что вокруг и вправду была ее душа: днем и ночью она преследовала меня, незримо окутывая дымом и золотыми колосьями. Чувство от попадания в чужой внутренний мир сложно с чем-то спутать. Сны не бывают настолько яркими и живыми и уж точно так хорошо не запоминаются.

— *Оно идет!*

И тогда я просыпался.

* * *

С тех пор как я впервые оказался в Соларуме, минуло уже почти два года. А в нынешнем состоянии полувезды, после долгих месяцев метаморфоз, я пребывал год с лишним и так до сих пор и не решил для себя, считать ли изменения в режиме сна хорошей способностью или же мешающей нормально жить. С одной стороны, я мог бодрствовать до недели — это здорово, появилась куча свободного времени. Но взамен приходилось отсыпаться два-три дня, чтобы полностью восстановиться. У нормальных звезд активный режим вообще может длиться

месяцами, но и спать им необходимо значительно дольше, чем людям, так что мне, возможно, еще и повезло.

Я лежал в теплых одеялах и чувствовал себя разбитым, но вновь уснуть так и не удалось. Грядущие сутки я уже запланировал как время на отоспаться, поэтому бодрствовать, а уж тем более идти на охоту особо не хотелось. Обычно протекторы работали каждый день хотя бы на одном задании, ведь за неделю им устанавливали норматив по устранению сплитов. Иначе — выговор. А если все совсем было плохо — наказание на выбор действующего Смотрителя. Ребятам из рабочих отделов было проще: например, количество полевых заданий у членов техотдела сокращалось на треть, чтобы те успевали и на благо Соларума поработать. Я тоже думал вступить в какой-нибудь отдел ради легальных прогулов, да вот как-то не сложилось. Потому старался выполнить все отведенные мне задания заранее и оставить себе пару дней на отдых.

Полежав еще немного, я предпринял титаническое усилие и поднялся. Вялый, заторможенный. Интересно, у всех эквилибрумов такое состояние с недосыпа? Или это только моя человеческая половина, из-за которой я натянул толстовку капюшоном вперед? Как поглядишь на этих заоблачников, так они всегда свежи и идеальны, будто уже канистру кофе наворачнули. Я таким явно не был. Даже когда снимал с себя подвеску.

Достав из тумбы мемориум, который когда-то на день рождения подарил мне Антарес, я, недолго думая, вытянул из глаза воспоминание о сне, а затем, накинув на плечи одеяло, вышел из комнаты и спустился на несколько пролетов вниз.

Тук-тук-тук.

Ничего.

Тогда я постучал снова.

За тяжелой дверью раздалось шуршание, словно находящийся внутри спешно что-то убирал, затем удар и снова шелест, только в этот раз намного громче. За ним последовало ворчание. Все это показалось мне странным — на каждой две-

ри в Соларуме стояла манипуляция тишины. Неужели не было времени даже восстановить ее, раз уж она развеялась?

— Да, что? — Дверь открылась, и в проеме появилось смуглое лицо Ламии. Волосы распущены и спутаны в колтуны; она шурилась, пытаясь разглядеть меня в тусклом лунном свете, озарявшем лестничную площадку через небольшое окошко. — Макс? Что случилось?

Ламия надела очки, обычные, а не рабочие, и чуть шире приоткрыла дверь, на которой был начертан символ Близнецов.

— Прости, что разбудил, — глухо произнес я.

В Соларуме всегда была ночь, и угадывать распорядок дня товарищей для нас представлялось вечным развлечением. Одежда на ней оказалась не для сна: брюки, серая блуза, расстегнутый жилет. Но выглядела Ламия помятой, уставшей. Кроме того, я почувствовал исходящую из ее души тревожность, но списал все на рабочий аврал.

— Снова? — догадалась она.

Я неуверенно переступил с ноги на ногу:

— Ты сама сказала заходить в случае чего.

Она отошла от двери, пропуская меня внутрь. Я медленно двинулся вперед, стараясь ничего не задеть. Шнурки кроссовок волочились по полу.

Ламия явно не спала в нормальном понимании: на кровати громоздились стопки папок с бумагами, документы из одной были раскиданы по всему полу — вероятно, именно ее падение я и слышал. Комнату окутывал полумрак, горела лишь настольная лампа, озаряя теплым светом книжные шкафы. Здесь, как и в вечно заваленной инструментами Манипуляционной, наблюдался рабочий кавардак: разложенные на полу инфоры, незаконченные уравнения с манипуляциями, приборы неизвестного мне назначения, — но во всем этом захламлении прослеживалась некая система. А вот стол абсолютно погряз в исписанных бумагах. Там, в углу, стояла большая желтая кружка с улыбающейся рожицей.

Задержав на ней взгляд, я приблизился к столу и коснулся бумаг.

— Что подделываешь?

Ламия подскочила ко мне, захлопнула пухлый черный блокнот с кучей закладок и, отложив его, начала раскидывать бумаги по стопкам.

— Да работа, как обычно, ты же знаешь, — с привычной торопливостью выдала она. — Может, сядешь?

— Не удивлюсь, если ты прямо тут и уснула. — Я кивнул на стол.

— По правде говоря, так оно и было, — усмехнулась Ламия, скидывая папки с кровати на пол, чтобы освободить мне место.

Я сел, продолжая оглядываться по сторонам. Когда только шел сюда, то дрожал как от озноба, но теперь внутри потеплело, снова клонило в сон.

— Я думала, ты ушел в спячку на пару дней, — сказала Ламия.

Она резво заваривала чай. Сам чайник к розетке не подключался, просто стоял в круге манипуляции и от нее же заряжался. В Соларуме электричество не предусматривалось, так что приходилось выкручиваться.

— Да... — Я потер веки пальцами. — Не спал дней пять-шесть...

— Ты себя хорошо чувствуешь? Приступы больше не возвращались? Тебе сахар класть?

— Две ложки. Спасибо. А приступов уже полгода как нет. Я бы сказал.

— И верно, — хмыкнула Ламия, наливая кипяток в кружку. Руки у нее заметно подрагивали. — Но мало ли. Мне интересно твое состояние, обязательно говори, если вдруг снова что произойдет!

Речь ее казалась сбивчивее, чем обычно.

— Собственно, поэтому я и пришел. Но... скажи, у тебя все в порядке?

— Что? Да, превосходно. Просто немного переработала. Ну, ты понимаешь. Ладно, давай не затягивай и излагай, зачем явился, звездный мальчик.

Ламия протянула мне красную кружку, я взял ее, не боясь обжечься — все равно бы не вышло, — и стал уныло помешивать ложкой чай. Близнецы наблюдали, не торопила. Она давно привыкла, что мне нужно некоторое время, чтобы собраться с мыслями для важной беседы.

Лишь после того как Ламия взяла энерггласс и стилус для записей, я заговорил:

— Я слышал ее голос. Она вновь просила меня помочь.

— Но ты не видел ее? — уточнила протекторша, чиркнув по стеклу.

Я покачал головой, нахмурился.

— Я никогда ее не вижу. Словно она прячется. Но почему? Если я так ей нужен.

— Сара сказала что-то новое?

— Она сказала... — Меня передернуло, рука дрогнула, и чай чуть пролился на ковер. — Сказала, что *она* приближается.

— Оно? — удивилась Ламия и начала быстро делать заметки в энергглассе.

Я наконец отпил. Ламия клала корицу в любое питье, поэтому от чая шел пряный аромат.

— Сара сказала, что нечто приближается и времени почти не осталось.

Меня пробирало отчаяние, руки тряслись. Ламия приблизилась ко мне и дружески похлопала по спине.

— Макс, ты же знаешь: мы все боимся за нее и работаем над решением проблемы.

— Но ты же веришь, что это не обычные сны? Не просто кошмар или...

— Разумеется, нет.

Она поправила очки и, взяв одну из папок, вытащила несколько исписанных листов.

— Я пытаюсь предположить, что за недуг поразил Сару. Но данные о ее состоянии разнятся. Оно необычно, это признают все — от Аданнаи до эквилибрумов. Наш мир необъясним и загадочен, каждый день мы обнаруживаем что-

то новое, не вписывающееся в общую систему. Но все наши открытия лишь подтверждают, что мироздание прекрасно и гармонично. И даже эти сны — часть идеально отлаженного вселенского механизма, раз они к тебе приходят. Что-то грядет. Мы скоро со всем разберемся, так или иначе. Как и всегда.

— Я должен ей помочь. Раз она зовет меня, это ведь что-то да значит. Меня убивает сама мысль, что я ничего не могу поделать. И даже не понимаю, что с ней происходит.

Ламия задумалась, отводя взгляд.

— Это очень опасно — копаться в травмированной душе. Но давай я попробую проверить пару теорий. Возможно, Сара не может вернуться просто потому, что нечто мешает ей.

— Что, например?

— Пока не знаю. Ввиду всего произошедшего и того, с чем или кем вы столкнулись у темницы Антареса, вероятно, об особенностях ее травмы могут судить лишь эквилибрумы.

— А звезды молчат.

— Как и всегда.

Я понурил голову от усталости.

— Я должен ей. Жизнью обязан.

Я обещал ей.

Ламия с досадой улыбнулась.

— Несмотря на то что этот мир изменчив, я рада, что мы, протекторы, можем быть уверены друг в друге. Молюсь, чтобы подобным образом оно и осталось. — Она вздохнула. — Знаешь, когда я только попала в Соларум, все было настолько новым, незнакомым. Не знаю, сохранились ли у тебя воспоминания о тех первых ощущениях, но мои были по-настоящему грандиозными. С трудом верилось во все происходящее, даже после вводных лекций и той презентации, с погружением в историю...

— Ее же не меняли уже тысячи лет, а все актуальна. — Я ухмыльнулся. — Помню, как испугался визуальных трюков, залезших в голову.

— Именно! — воодушевленно подхватила Ламия. — И ведь это был только кусочек этого мира! И мне так захотелось узнать о нем как можно больше! Чтобы ничто в нем меня не удивляло.

— Тебе не нравятся сюрпризы?

— Я не любитель неожиданностей, они могут принести что-то плохое. Мне хочется быть уверенной во всем. А когда я в чем-то не уверена, то не могу найти себе места. Потому исследовать тебя было чрезвычайно занятно. И с Сарой так же.

Ламия многое делала для меня уже немалое время. Вот и сейчас — смотрела своими темными глазами, ни капли сомнения, лишь волнение и горящий, неубиваемый интерес.

Из протекторов только Ламия и Стефан ведали о моем полужезвездном состоянии. От Близнецов ничего не укрыть. Ламия, с ее знаниями и остротой ума, была просто незаменима в изучении моей новой природы. Пришлось все рассказать ей почти сразу. Раз уж она не выдала наш поход к падшим за транзитом, то и здесь я вполне мог ей довериться. Несмотря на ее дикий восторг и вечные вопросы, протекторша понимала, когда следует остановиться, и держала всё в строжайшем секрете. Благодаря ей я пережил год обращения в полужезвезду.

Сначала было ничего, даже удавалось вовремя выполнять пару заданий или прятаться при очередном приступе, когда из меня рвался Свет. В первые месяцы мы могли сдерживать боль. Но чем дальше, тем хуже. Меня в буквальном смысле ломало, я физически не мог выйти из комнаты. Перестраивалось всё, каждая клетка тела, от скелета до кончиков волос. Мышцы горели огнем, внутренности скручивало, меня без конца тошнило и выворачивало наизнанку. Создавалось ощущение, что оболочка отторгала собственные органы. Те видоизменились, и Ламия в поддержку дала мне почитать о внутренней анатомии заоблачников. Помню, на следующие сутки я ослеп на неделю, потому с чтением пришлось повременить. Зато после увидел мир как никогда четко. Ничто из моего нынешнего состояния не далось мне легко. Метаморфозы заняли несколько месяцев, проведенных в койке, в непрерывной боли, в жаркой